

ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ И ИХ РОЛЬ В ИССЛЕДОВАНИИ СПЕЦИФИКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ Ж. БОДРИЙЯРА

В статье анализируется вклад Ж. Бодрийяра в исследование специфики общественной реальности в процессе разработки им своеобразного понятийного аппарата, содержанием которого являются знаково-символические структуры, раскрывающие особенности его системы описания трансформаций современной общественной реальности.

Ключевые слова: понятия «симуляция», симулякр, референты, символический обмен, реальное и воображаемое, презентация и репрезентация, знак, символ и др.

Во второй половине XX в. возникают трансформации различных сфер человеческого бытия, обусловленные прежде всего возрастанием значения средств массовой коммуникации и знаковых систем, «наступлением эры новейших технических средств массовых коммуникаций – телевидения, видеотехники, компьютерной техники – развитием глобальной сети Интернет» [1, с. 43]. Формирование постмодернистской культуры повлекло за собой появление нового, неклассического типа приоритетов – технического, а не социального прогресса; производства информации, а не вещей; пригородного, а не городского стиля жизни и типа культуры; «биологического, а не механического времени; доминирования нелинейных темпоральных структур над линейными» [2, с. 48]. «Постмодерн обозначил множество проблем и тем в культуре, предложил новый подход в поисках смыслов и принципов грядущей культуры, способствовал выработке нового целостного, полифонического и плюралистического воззрения на мир» [3, с. 173].

Существующие точки зрения по отношению как к оценке теории постмодернизма, так и трактовке его как социокультурного явления свидетельствуют о том, что его нельзя не только не принимать, а тем более отрицать, но и недооценивать оказанное им влияние. Напротив, влияние постмодернизма своеобразным образом, по-новому формирует вопрос о жизненных ориентирах в постсовременной действительности и выводит нас на такую проблему: как возможно сочетание новейших технологий информационного общества с духовными, гуманистическими ценностями.

К особенностям формы теории постмодерна, а также к ее научному инструментарию «очевидно, придется привыкать всем, кто серьезно

относится к этому научному направлению» [4, с. 52], подчеркивает Ж. Бодрийяр.

Очевидно, реальность конца XX века настолько «виртуализировалась», что образ человека растворился в бесконечной цепи «симулякров» на экранах телевизоров и мониторах компьютеров. На нынешнем уровне развития соотносительность техники с действительностью становится все более призрачной, ее отличительной чертой становится симуляция, видимость, возрастание роли вымышленного, воображаемого в функционировании общественной реальности.

Выдвижение Ж. Бодрийяром на первый план указанного аспекта обращает внимание на раскрытие качественной специфики тех изменений и трансформаций в функционировании общественной реальности, которые произошли на рубеже XX–XXI вв., в которых могут быть представлены не только положительные стороны этого процесса, но и такие направления, которые получили полное и всеобщее выражение на современном этапе, тогда как ранее они представляли лишь в виде задатков и возможностей. Новые обстоятельства обусловлены тем, что имитация действительности с помощью ультрасовременных технологий приводит не только к ее «полной потере», но и создает условия, не позволяющие распознать ее действительную сущность. При этом не только сами по себе вещи, окружающие человека, становятся ему все менее понятными, так как не каждый, кто пользуется техникой, может понять, что происходит внутри процессора компьютера, как работает лазерный проигрыватель и находит свою волну сотовый телефон, а тем более представить бесконечность паутины информационных сетей.

Многokrатно усиливается значение и роль мышления в осмыслении того бытийного про-

странства, в котором живет человек. Возникает проблема определения реальности вообще: какая из них является реально реальной, а какая является только реально воображаемой. Постановка данной проблемы Ж. Бодрийяром является, как нам представляется, принципиально новой в описании тех качественных изменений, которые происходят на рубеже XX-XXI вв. в функционировании общественной реальности, а это и определяет необходимость исследования философии Ж. Бодрийяра.

Данное обстоятельство также, безусловно, предопределяет актуальность изучения, проведенного К. Марксом, исследования не только специфики общественной реальности, но и особенностей ее функционирования на основе изучения капиталистических экономических отношений в 60-е гг. XIX в., так как задача, поставленная К. Марксом, состояла не только в том, чтобы раскрыть специфические законы функционирования капиталистического общества, но и, главное, выявить те вытекающие из них тенденции, которые всесторонне проявились лишь на современном этапе развития.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в анализе специфической сущности общественной реальности, проведенном К. Марксом в «Капитале», определяющее значение имеет обоснование им принципа разграничения предметно-вещественного и специфически общественного как не-вещественного, выявление особой «не-вещественной», но объективной, а потому и материальной сути базисных – экономических отношений. Выявление особенностей современных трансформаций общественных процессов, не только общенациональных, но и глобальных, ставит перед исследователем чрезвычайно сложную задачу, детерминированную в первую очередь указанными трудностями и сложностями в познании общественных зависимостей, исследовать которые, как подчеркивал в «Капитале» К. Маркс, нам не могут помочь «ни микроскоп, ни химические реактивы, и то и другое должно заменить сила абстракции», сила диалектически развитого мышления, именно вследствие того, что эта специфически общественная реальность не обладает вещественной природой.

Ж. Бодрийяра, как и в свое время К. Маркса, заинтересовала центральная проблема его философии – проблема возникновения, функционирования и развития такого сложнейшего

феномена, каким является особый вид реальности, общественная реальность или «реальное» в интерпретации Ж. Бодрийяра как связанное с «воображаемым» в отличие от других, необходимых форм бытия.

Поэтому для решения данной проблемы мыслитель разрабатывает особого рода концепцию «симуляции», которая позволяет отображать, по Ж. Бодрийяру, «воображать», специфически общественное в отличие от всех многообразных вещественных форм бытия, представляющих «общественное», «социальное» в «замутненных» формах (К. Маркс), а именно таких, в которых специфически общественное сжато, скрыто, затуманено «вещественностью», «телесностью» (К. Маркс).

Основопологающим в попытке выявления этой своеобразной реальности, которая позволяет Ж. Бодрийяру разграничить специфически общественное от предметно-вещественного, выступает разрабатываемая им теория моделирования общественно-реального как «воображаемого».

Исследование специфики «социальности», общественного, преобразованного вещественностью в многообразных формах представленности общественного, начиная с форм предметно-вещественного как результатов производственной, предметно-преобразующей деятельности людей (процесс производства – К. Маркс), так и результатов духовно-преобразующей деятельности в широком смысле – предметностей культуры (Ж. Бодрийяр), осуществляется Ж. Бодрийяром в раскрытии феномена «симуляции» как такого процесса, в котором воссоздается, конструируется специфически общественное как реально-воображаемое.

В современных условиях именно «гигантский процесс симуляции» [5, с. 69], по словам Ж. Бодрийяра, заполняет все поле коммуникации не реальным, но «фантомным содержанием» [5, с. 89]. «Здесь играют в то, будто говорят друг с другом, слушают друг друга, общаются, здесь разыгрываются самые тонкие механизмы постановки коммуникации» [6, с. 65].

В формировании «воображаемого» как реального огромную роль играет глобальный масштаб сети Интернет, охватившей практически все сферы человеческого бытия, следствием чего явилось обезличивание человеческих взаимоотношений. В сетевом пространстве себе-

седники заменяются терминалами, субъекты – безличным потоком мельчайших единиц электронного импульса, на место синтаксиса, пространства различия знака и сообщения приходит «бит», сообщение становится единственной характеристикой медийно-информационной системы коммуникации.

О необходимости исследования философских оснований изучения и описания принципиально новых аспектов функционирования социального свидетельствуют и другие факторы, повлиявшие на утверждение идей реальности «виртуального», а именно воздействие информационных средств на моральное сознание, поэтому философия, подчеркивает Ж. Бодрийяр, «предостерегает от «электронных наркотиков», способствующих агрессивности и уходу от действительности» [8, с. 54].

В условиях замещения субъекта разнообразными безличными структурами, производства знаковых, а не материальных ценностей, о чем свидетельствует современный экономический, финансовый кризис, существующая система ценностей также исподволь подвергается разрушению и с неизбежностью предстает во многом исчерпавшей себя. В связи с этим назревает необходимость определить место общественных структур в постсовременной ситуации, наметить парадигму устремлений человека в условиях постмодернистских неидентифицируемых установок и перспектив, а также понять, какое место занимает субъект в сложившейся системе обезличенных отношений и каковы перспективы дальнейшего функционирования общества в современных условиях.

В концепции «симуляции» Ж. Бодрийяра решающая роль отводится созданию своеобразного понятийного аппарата, который выполняет специфическую организующую функцию при построении особенной общественной концепции, посредством которой описываются современные трансформации общественной реальности в направлении выявления тех формований, в которых актуализируется и представляется собственно общественная суть бытия.

Более того, концепция «симуляции» в философии Ж. Бодрийяра приобретает всеохватывающий характер именно потому, что в качестве ее стержневой основы и выступают взаимопереходы вещно-предметного в способ представления специфически общественного как

«воображаемого». Но опосредующим звеном в процессе взаимосотнесенности реального как предметно-вещного и реального как «воображаемого» выступает в философии Ж. Бодрийяра, на наш взгляд, другая, особенным образом осмысливаемая, теория знаково-символических форм, посредством которых и осуществляется представленность того специфически общественного как «воображаемого», в котором происходит так называемый «символический обмен», выявляющий указанную специфику.

Поэтому значение знаково-символических форм в реализации принципа «символического обмена» состоит в самом процессе перенесения знаков, символов, представляющих смыслы, «сущности» «социального», на другие предметности, служащие также знаками, но знаками особого рода, а именно знаками знаков, т. е. символами.

Последнее Ж. Бодрийяр раскрывает на основе исследования товарно-стоимостных отношений, утверждая при этом об определенном влиянии на этот процесс, который был оказан на него политэкономическими исследованиями К. Маркса.

Объект становится единством знака и товара; отныне товар – выступает в качестве знака, а знак – предстает в качестве товара. Знак со своей стороны «провоцирует отчуждение стоимости, смысла означаемого, референта, а значит, реальности» [9, с. 83].

Подобного рода формы отчуждения социальности посредством знаково-символических форм могут быть выражены также в различных вариациях, например в дискурсе рекламы, считает мыслитель, организующей приобретение вещей через приобретение их смыслов и в результате – управление желаниями людей. Реклама как процесс представления смыслов вещей товаров не только предстает как процесс выражения специфически общественного в вещах, а в предметно-вещественном осуществляется представление общественно-реального как «воображаемого».

Но непосредственно общественный смысл вещи как представления товара, презентующего денежно-стоимостное выражение товара, как знака стоимости проявляется в сфере экономических процессов, а результатом простого рекламного действия выступает выявление, согласно Ж. Бодрийяру, смысла, заложенного лишь в целенаправленном употреблении вещи.

Следовательно, указанный, как разъясняет Ж. Бодрийяр, рекламный смысл вещи выступает как знак знаков, т. е. симулякр. И только в этом случае воображаемое, как владение знаком, переходит в реальность. Но в реальности эту работу прodelывает знак, причем он при этом как бы сам производит свои референты и значения.

«В таком случае мир и реальность предстают как отражения означающего, его эффекты, его своеобразные фантазматические модусы. Если диалогический дискурс в рекламе довольно прост, досознателен, он достигает высшей точки рационализации и обобщения, захватывая все уровни знакового кода. Он, как и сами коды, паразитирует на мультипликации знаков, он – уродливый мутант, эксперимент, всегда исчезающий остаток» [10, с. 109]. Поэтому, строго говоря, здесь уже нельзя даже вести речь об идеологии знаков. Ж. Бодрийяр приходит к выводу, что в рекламе не остается идеологии, ее обоснование полностью исчезает, а остается лишь симуляция.

В результате непрерывной эксплуатации языка кода в качестве инструмента социального контроля к концу XX в. знаки окончательно отрываются от своих референтов и получают полную автономность сигналов – «симулякров», воспроизводящих и транслирующих смыслы, зачастую не адекватные происходящим событиям, и факты, не поддающиеся однозначной оценке. Стало быть, знаки и знаковая власть выражения специфически общественного, превращения их в симулякры формируется в качестве симулякровой структуры лишь тогда, когда она окончательно отделяется от своих референтов, т. е. исходных предметностей, предметно-вещных форм бытия, которые еще оказываются не способными осуществить перенесение специфически общественного на знаковые функции их возникновения.

Следует отметить, что знаки и знаковая реальность как способ представления специфически общественного и возможности превращения их в симулякры существовала не всегда, напротив, симулякровая структура возникает лишь тогда, когда она окончательно отделяется от своих референтов, т. е. исходных предметностей, предметно-вещественных форм бытия, только в этом случае оказывается возможным перенесение специфически общественного на знаково-символическую форму их выражения.

Именно в отделении знаков от их референтов, превращении их в некое автономное существование следует усматривать специфику тех качественных изменений, которые происходят в современных общественных реалиях. Последнее является ярким выражением процесса отчуждения от той реальности, которая когда-то породила указанные знаки, коды, которые превращаются в симулякры. С точки зрения Ж. Бодрийяра, произошла «истинная революция» – революция симуляции знака-кода (симулякра), закрывшая повестку дня двух предшествующих революций – революции прото-симулякров, «подделки» Ренессанса и «подделки производства» индустриального века. В симуляционно-имитационном потреблении знаков культуры таится соблазн, разрушающий классическое равновесие между мифом и логосом, между воображаемым и рациональным.

Средневековая борьба между Богом и дьяволом, в которой Бог выступал, с одной стороны, выражением идеального проекта – чертеж идеального человека, а с другой стороны, дьявол – тот образ-знак, каким не должен быть человек, эта борьба в современности сменилась конфликтом между белой магией избыточного потребления и его осуждения. Происходит своего рода перенасыщение, удвоение объекта, так называемый «экстаз полноты», которые уводят эстетику постмодернизма по ту сторону от принципа реальности. Однако «ожирение» объекта свидетельствует не о насыщении, но об отсутствии пределов потребления [11, с. 56].

Таким образом, значение исследования философии Ж. Бодрийяра возрастает в связи с его заинтересованностью в исследовании проблем возникновения, функционирования и развития такого феномена, каким является общественная реальность, и в первую очередь осмысление ее специфического отличия от других не-общественных, то есть вещественных форм бытия. С этой точки зрения высвечивается тем самым значение великого открытия К. Маркса в исследовании специфической сути общественной реальности посредством последовательного проведения открытого им принципа разграничения предметно-вещного и специфически общественного на всех этапах исследования, осуществленного в «Капитале»: на уровне бытия, на уровне сущности, на уровне явления и на уровне действительности, позволившего

обосновать особенности возникновения, функционирования и движения общественно-реального бытия.

Основные положения анализа К. Маркса с своей стороны способствуют уяснению тех открытий, которые созидает Ж. Бодрийяр, исследуя те новые качественные изменения, которые актуализируют функционирование тех невещественных имитирующих, симуляционных, «воображаемых» форм бытия в современном мире.

Поэтому для решения данной проблемы мыслитель разрабатывает специальный понятийный аппарат, понятия «симуляция», симулякр, символический обмен, знаки, коды, референты и т. д., который позволяет схватывать выражение специфически общественного в отличие от всех многообразных форм, в которых происходит переплетение специфически общественного и предметно-вещественного бытия.

Исходным в понимании этой проблемы, способствующей разграничению специфически общественного и предметно-вещественного, и выступает концепция «симуляции» – моделирования реального как воображаемого. В концепции симуляции Ж. Бодрийяра решающую роль имеет осмысливание значения именно знаково-символических форм представления специфически общественного. Значение роли знаково-символических форм в представленности социальности трудно переоценить, так как посредством особой роли знаково-символических форм выражения специфически общественного бытия осуществляется в общем и целом, с точки зрения Ж. Бодрийяра, и возникновение, и функционирование, и современные трансформации общественно-реального.

Разрабатываемая Ж. Бодрийяром концепция симуляции выступает своеобразной моделью, в которой осознается особый процесс функционирования этого особого типа реальности-общественно-воображаемой реальности. Ж. Бодрийяр осмысливает и выдвигает на первый план главную проблему выяснения специфики общественного, как оно функционирует, как возникает феномен социальности и вообще как порождается все, что является результатом сознательной деятельности людей, т. е. все общественно-социальное. Ключевым понятием в концепции «симуляции» выступает феномен воображаемого, возникающий в процессе целесообразной, целеполагающей деятельности людей. Эта дея-

тельность является преобразующей, согласно Ж. Бодрийяру, постольку, поскольку в ней создаются новые образы, новые спектры, виды, формы этой многообразной реальности, которая предстает как процесс «симуляции», т. е. воображения, в котором теряется связь с изображаемым, происходит созидание реального, но это вовсе не реальное, а такое реальное, которое преобразовано в особой конструктивной, на первый взгляд, деятельности, но эта конструктивность выступает не конструктивностью, а деструктивностью как результатом симуляционной деятельности, так как «симуляция» предстает как продолжение реального в контексте деструктивной симуляционной деятельности. Поэтому все, что создается в обществе, есть результат этой конструктивно-деструктивной деятельности как процесса симуляции – преобразования, т. е. такого процесса, в котором возникает воображаемое и как носитель специфически общественного – знаково-символические структуры. Если все, что создается в обществе, согласно Ж. Бодрийяру, – это процесс симуляции, то симуляция и есть процесс возникновения воображаемого, а именно изображения его в знаках, затем в знаках знаков, т. е. в символах, а в целом – в знаково-символических структурах. Результатом этого процесса является возникновение и функционирование симулякров. Это бесконечный процесс возникновения образов «воображаемого» и их «омертвления», их «ожесточения», как процесс и результат вхождения в специфически общественную реальность.

Ж. Бодрийяр определяет симуляцию как «порождение, при помощи «моделей», в котором процесс порождения предстает настолько широкомасштабным, что она (симуляция) заставляет совпасть все реальное с моделями симуляции, в котором исчезает самое существенное – различие между симуляцией и реальным. Нет больше ни сущности и явления, ни реального, ни его концепта. Обоснование Ж. Бодрийяром концепции «симуляции», с одной стороны, как особого процесса порождения «социальности» и как специфически общественного посредством знаково-символических форм, с другой стороны, стирает открытую и обоснованную К. Марксом необходимость разграничения познавательного процесса на поверхность – непосредственность предмета (уровень бытия) и уровень сущности бытия и, следовательно,

разграничения движения мысли от бытия к сущности как непосредственного к опосредованному и от сущности к явлению как от опосредованности к непосредственности, как это представлено в логике «Капитала». Но это не исключает ответа на вопрос, каким образом с необходимостью воссоздается, функционирует, конструируется та особая форма реальности, которая в то же время непосредственно, т. е. без опосредования знаково-символическими структурами, в принципе не может быть воссоздана.

Ж. Бодрийяр изобретает свою собственную «логику» изображения этой реальности, которая в отличие от логики «Капитала» К. Маркса вовсе не ставит своей задачей проникновение в сущность предмета посредством особой системы философско-логических категорий, являющихся в философии К. Маркса своего рода строительными лесами возводимого им здания, здания «Капитала».

Ж. Бодрийяр ставит ту же самую задачу, что и К. Маркс, – изобразить специфику функционирования современного ему общества, но выполняет эту задачу на своем поле разработанного им самим своеобразного понятийного аппарата – функционирования знаково-символических структур как способов описания этой особенной реальности.

Именно выявление вышеуказанных логических ходов в отображении предмета и явилось концептуальным основанием, во-первых, «Науки логики» Гегеля, а во-вторых, в отображении «специфической логики специфического предмета» явилось определяющим основанием разработки «логики» «Капитала» К. Маркса.

Однако Ж. Бодрийяр в купе со всем постмодернизмом именно диалектико-логическое обоснование отображения специфически общественного предмета с точки зрения его сущностной определенности не только оставляет по ту сторону познавательного процесса, но и фактически не рассматривает.

Целый ряд авторов, исследующих постмодернизм как особое направление, вполне справедливо усматривают в его содержании отображение кризиса универсальности модерна как кризиса западного рационализма и его универсальности как некоего культурного основания, которое несет в себе ощущения его исчерпанности, именно исчерпанности философско-логических форм рационального дискурса.

«Реальное производится, начиная с миниатюрнейших клеточек, матриц и запоминающих устройств, с моделей управления – и может быть воспроизведено несметное количество раз. Фактически это уже больше и не реальное, поскольку его больше не обволакивает никакое воображаемое. Это гиперреальное, синтетический продукт, излучаемый комбинаторными моделями в безвоздушное пространство» [9, с. 128], – подчеркивает Ж. Бодрийяр. Причем в этом процессе порождения реального как общественно-реального посредством воображаемого, т. е. образов-моделей, – реальное, согласно Ж. Бодрийяру, в качестве исходной реальности каким-то образом исчезает, исток этой реальности оказывается за пределами воображаемого, и таким образом формируется некоторая особая «призрачная предметность» (К. Маркс), т. е. реальность как бы улетучивается, она остается за пределами самого бесконечного процесса симуляции. А в действительности она предстает как бесконечный поток воображаемого, т. е. порождения, функционирования и реализации симулякров. Таким образом, симуляция как процесс порождения и порожденное, т. е. реальность, становятся тождественными.

По Ж. Бодрийяру, эра симуляции начинается с устранения всякой взаимной соотнесенности, с ликвидации всех референтов и их искусственного воссоздания в системах знаков – как более податливом, нежели смысл, материале. Референт, с точки зрения Ж. Бодрийяра, – это то, что изображается и служит своего рода исходной предметностью воображаемого, т. е. функционирующего социального. Таким образом, референты выступают как некая исходная предметность воображаемого. Здесь уже не может быть и речи ни о «пародии, ни об удвоении, ни об имитации» [10, с. 111]. Происходит лишь «замена реального знаками реального, то есть некая устрашающаяся манипуляция над всем реальным процессом его операциональным двойником» [8, с. 87].

Мыслитель считает, что симулякр не следует путать с феноменом ирреального – он никогда не может быть заменен реальным, но лишь замениться внутри самого себя. Симуляция исходит из «утопии принципа соразмерности, соодинаковости, исходит из радикального отрицания знаком того, с чем он соотносится, из знака как реверсии и умерщвления всякой соотне-

сенности» [3, с. 65]. Первое, на что обращает внимание Ж. Бодрийяр, – это то, что происходит с исходной предметностью и знаком, т. е. тем, что ее заменяет, а происходит то, что знак и изображает и стирает связь с изображаемым, таким образом формируется феномен обратимости.

Обратимость предстает не только как процесс соотнесения исходного с результатом – знаком, но как процесс обращения результата – знака к исходному, в котором стирается эта соотнесенность, она полностью поглощается результатом – знаком.

Таким образом, происходит то, на что обращали внимание и Гегель, и К. Маркс, а именно процесс соотнесенности – обратимости угасает в продукте – результате, а результат – знак функционирует как абсолютно отделенный и никаким образом не связанный с результатом, процесс.

По мысли Ж. Бодрийяра, символическое – это не понятие, не инстанция, не категория и не «структура», но акт обмена некоей взаимозаменяемостью реального как «воображаемого», специфически-общественного отношения, в котором исчезает реальное, а заодно и оппозиция реального и воображаемого. Заслуга Ж. Бодрийяра состоит в том, что он пытается раскрыть суть «символического» через специфический анализ «символического обмена», предметно-вещного, реального и воображаемого, общественного. Иными словами, выявление общественно-реального содержит в себе и степень реальности, которая, с точки зрения мыслителя, была прямо пропорциональна тому резерву воображаемого, которое придает особенному реальному своеобразную специфическую предметность. Но в то же время упразднение дистанции между реальным и воображаемым означает катастрофу не только для «мышления фикциями», но и для научного мышления: оппозиция фикции и науки разрешается в «вывернутой наизнанку научной фантастике» [5, с. 313].

Стало быть, ряд концептуальных инноваций – концепции «знаковой меновой стоимости», «воспроизводительного труда» и «медиатизации реального» – позволяют Ж. Бодрийяру наполнить идею марксовской политической экономии конкретным содержанием, несущим элемент которого является понятие «симуляция» как то взаимодействие предметно-вещного и социального, которое наиболее выпукло пред-

ставлено в нем. Поэтому определяющим в понятии симуляции, на наш взгляд, является понятие презентации, представления, которое мы в данной статье неоднократно используем в анализе этого понятия и без которого, согласно сути бодрийяровской концепции, выявить специфику общественного фактически невозможно. Более того, понятие «презентации» дополняется понятием «репрезентации» как представления представления, как знака знаков, в котором связь с обозначаемым, т. е. с той исходной предметностью или «референтом», в обозначении Ж. Бодрийяра, оказывается устраненной, и потому понятие «репрезентация» несет в себе обозначение не знака, но символа. Понятие «репрезентация» оказывается частным случаем механизма симуляции и играет опосредующую роль в формировании «воображаемого».

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что конструирование специфики общественного посредством знаково-символических форм в философии Ж. Бодрийяра выстраивается в некоторую своеобразную лестницу, ступеньками которой становятся: понятие знак, который, во-первых, еще выражает связь с референтом как исходной предметностью, во-вторых, в этом отображении «знак» может скрывать и даже маскировать содержание исходной предметности, в-третьих, знак может представлять и отсутствующую предметность, т. е. ту предметность, которая уже преобразована знаком, и первая форма знаково-воображаемой реальности становится симулякром, а знак становится символом и в этом отношении полностью замещает исходную реальность, становясь системой взаимооборачиваемых, взаимосвязанных симулякром.

Если описание реальности предпринять с анализа функционирования не знаков, а символов, их «циркуляции», то осуществить возвращение к исходному реальному окажется в принципе невозможным. Последовательность фаз развития воображаемого как той социальной предметности, которая выступает исходным материалом презентаций, т. е. формирования знаков, а последнее – материалом репрезентации – формирования знаков-символов, то отношение к какой бы то ни было реальности вообще исчезает, она становится своим собственным симулякром. Речь идет о том, что в форме симулякра реальное больше не является реальным, и таким образом в своеобразной форме спасается прин-

цип реальности, так как уже произошла замена реального образами реального. Возникает и функционирует новая реальность, полностью воображаемая, симулятивная реальность.

Таким образом, реальное становится операциональной реальностью, которая конструируется посредством бесконечного ряда превращений, своего рода мутаций в знаково-символических способах ее представленности, познать которую, исходя из ее безграничных преобразований, создающих все новые и новые формообразования, скрывающие действительные связи с исходной предметной реальностью, становится невозможным. Отсюда вполне оправданный пессимизм, который превалирует в общем и целом над стремлением все-таки постараться выявить возможности этой реальности, ее не только воображаемый, но и взаимообратимый характер.

Поэтому концепция «симуляции», раскрывающая порождение, «конституирование» (И. Кант) специфически общественного как воображаемого посредством моделей в знаково-символических преобразованиях реальности, в конечном итоге скрывает происхождение этой реальности. И в этом отношении, как это ни странно, на первый взгляд, концепции К. Маркса и Ж. Бодрийера, исходящие из различных философских оснований, в действительности сходятся, симуляция является порождением посредством моделей реального «без происхождения и реальности» [7, с. 211]. Соответственно симуляция характеризуется «процессией моделей» относительно мельчайшего факта, поскольку именно их циркуляция образует «действительное магнитное поле события» [10, с. 115].

«Реальные факты», по убеждению Ж. Бодрийера, более не обладают собственной траекторией, они рождаются на пересечении моделей, образов, создающих реальное, – значит, воображаемое, вплоть до их неразличимости, а именно («безразличия») реального и воображаемого. В результате «стадия симуляции», т. е. порождения изображения – представленности реальности в качестве воображаемого, достигает своего предела. Ж. Бодрийер характеризует эту стадию в качестве «вирусной» или «диффузной», стадии «эпидемии ценности», когда ценности распространяются «во всех направлениях, без всякой логики и принципа равноценности» [4, с. 216], поскольку таким образом порождается ее многообразие. Эту стадию Ж. Бодрийер квалифицирует как стадию «прозрачности», «катастрофической вирулентности, нелинейного метастазирования ценности» [3, с. 174].

Таким образом, необходимость исследования философии Ж. Бодрийера неизмеримо возрастает в связи с тем, что им наиболее глубоко, на наш взгляд, анализируются, с одной стороны, принципиально новые качественные преобразования в социуме, детерминированные усилением роли «воображаемого», симулятивного, ведущей к полной потере реальности, а с другой стороны, те преобразования реальности, которые модифицируются в направлении ее «виртуального» проявления, «имитации действительности с помощью современных технологий» [12, с. 70.] и приводят, как справедливо подчеркивает мыслитель, к полному обезличиванию человеческих взаимоотношений посредством знаково-символических форм.

Список использованной литературы:

1. Бодрийер, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийер. – М.: Рудомино, 1995. – 174 с.
2. Бодрийер, Ж. Соблазн / Ж. Бодрийер. – М.: Ad Marginem, 2000. – 318 с.
3. Бодрийер, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийер. – М.: Библион-Русская книга, 2003. – 272 с.
4. Бодрийер, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийер. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
5. Декомб, В. Современная французская философия: учеб. пособие / В. Декомб. – М.: Весь Мир, 2000. – 344 с.
6. Дианова, В.М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность / В.М. Дианова. – СПб.: Петрополис, 1999. – 240 с.
7. Зотов, А.Ф. Современная западная философия: учебник / А.Ф. Зотов. – М.: Высшая школа, 2001. – 784 с.
8. Ильин, П.И. Постмодернизм от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа / П.И. Ильин. – М.: Интарда, 1998. – 256 с.
9. Бодрийер, Ж. Экстаз и инерция / Ж. Бодрийер // Аполлинарий. – 1998. – № 5. – С. 81-95.
10. Бодрийер, Ж. Город и ненависть / Ж. Бодрийер // Логос. – 1997. – № 9. – С. 107-117.
11. Новейший философский словарь: словарь / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. – Минск : Интерпрессервис : Кн. Дом, 2001. – 1279 с.
12. Петровская, А.А. Пустынные объекты – фенотипы Ж. Бодрийера / А.А. Петровская // Эксерберис. – 2000. – № 4. – С. 67-75.

Demchenko L.M.
SIGN AND SYMBOL STRUCTURES AND THEIR ROLE IN STUDYING SPECIFICITY OF SOCIAL REALITY
IN PHILOSOPHY OF J. BAUDRILLARD

The article analyses contribution of J.Baudrillard into study of specificity of social reality in the course of his development of unique conceptual framework, consisting of sign-and-symbol structures which disclose peculiar features of his system of description of transformation of modern social reality.

Key words: notion «simulation», simulacrum, references, symbolic change, real and imaginary, presentation and representation, sign, symbol etc.

Информация об авторе:

Демченко Л.М., кандидат философских наук, заведующая кафедрой истории философии

ГОУ ВПО «Оренбургский государственный университет», доцент,

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, тел.: 89033673829, e-mail: sofia@mail.osu.ru